

"ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ", 1959 г., том 2.

Тяжба Никона с царем.

В ходячей традиции немаловажное дело для русской церкви - исправления книг и обрядов обычно связывается с именем патр. Никона. Это неблагополучное и болезненное дело, однако, субъективно не занимало так широко и глубоко самого Никона. Субъективно "дело патр. Никона" для него самого и объективно на фоне истории всей русской церкви сосредоточивалось на другом всемирно-историческом для всего христианства вопросе о взаимоотношении церкви и государства. И оно именно занимало внимание целого ряда соборов от 1660 до 1667 гг. Сам Никон интересовался только этим вопросом.

Прежде всего, сам Никон стал разрабатывать "пост фактум" смысл своего ухода с кафедры. Помимо просто импульса обиды, которому Никон отдался со страстью, у него был тактический расчет воздействия на царя, расчет, который, правда, блистательно провалился. Царь ушел из-под ферулы Никона.

Маскируя этот глубокий фон личной обиды, Никон создает не вполне ясную и убедительную концепцию всего конфликта, где смешаны *Wahrheit und Dichtung*. Как было уже указано первым же посланцем царя, в первый день ухода Никон говорил, что уходит "по обету и боится умереть патриархом." В письме к царю 1661 г. Никон сослался на то, что царь не дал ему удовлетворения за обиду его стряпчего, кн. Мещерского. Еще позднее, на соборе 1666 г., по записи протокола, на вопрос "какой гнев и обида? И чтобы с престола сошел - от него, великого государя, к нему, Никону, присылка была ли?" ответ Никона записан так: "немилость де великого государя к нему за то, что на окольного Богдана Матвейча не дал обороны и к церкви ходить не почал. А присылки де, чтоб он с престола сошел и патриаршество оставил, от великого государя к нему не бывало. А сошел де он собою."

Эту недостаточную причину Никон по другим поводам углубляет и, вероятно, субъективно искренне ссылается на весь тот комплекс сознательных и подсознательных мотивов, которые им тогда руководили, но какие для нас и до сих пор остаются непрозрачными и путанными. Так, в 1662 г. в письме к Паисию Лигариду Никон пишет о моменте конфликта: "прислал к нам царь в келию единого от своих со многими неправедными словами поносными. И мы то слыша его прещение и гнев без правды, помыслили **дати место гневу, понеже стало быти не у чего**. Суд и всякая церковная управления царская держава восприят, **и нам быти стало не у чего**. И по совершении святой литургии, елико достойно яже о себе, во святой церкви пред Богом и всеми людьми о всем засвидетельствовахом, и до царского величества послал ключаря, да весть о нашем отхождении, яко ничто же Божией церкви лукаво

сотворихом, и се гнева ради твоего неправедного, повинуюсь евангельскому словеси: аще гонят вас из града, бежите во ин град."...

Таким образом, Никон дает неожиданную теорию своего поступка. Он - гонимый иерарх. Гонитель - царь. С ним у иерарха не может быть борьбы силой. Никон принимает пассивный, мученический путь: бежит по евангелию. Без царской опоры ему - патриарху в православном царстве "быть не у чего," т. е. нельзя ответственно быть у дел. Положение ненормальное: царь "**во гневе**," т. е. в некоем духовном безумии. А потому и "восприял," т. е. захватил в руки "все" церковное управление. Вопиющее беззаконие и несчастье! Патриарх вынужден уйти, чтобы дать царю увидеть всю нелепость, неканоничность его поведения.

Эту же мысль Никон развивает и в ответе на 17-й вопрос Стрешнева - Лигарида: "От немилосердия его - царева иду с Москвы вон. И пусть ему, государю, просторнее без меня. И про тот гнев всему государству ведомо, что он, гневаясь на меня, не приходил. А вселенстей велицей церкви обид много стало. И божественных заповедей Христовых, и св. апостол и св. отец правил, как обещал на нашем поставлении, не почал соблюдать. А мы на избрании своего патриаршества и сами обещались, с клятвою и подписанием руки своея: Божия заповеди и св. апостол и св. отец хранить. А он, великий государь, через божественные правила **суд церковный отнял**, нас самех и епископов и архимандритов, и игуменов и весь священный чин **велел** своим приказным людям судить." Следовательно, Уложение и Монастырский Приказ 1649 г. были в глазах Никона уже беззаконным царским "захватом" власти над церковью. Но он - Никон надеялся беззаконие ликвидировать. Средством для этого, по замыслу Никона, были те клятвенные условия, которые он поставил при вступлении своем на патриаршество в 1652 г. По логике Никона, он ждал от царя добровольного исправления и возвращения церкви ее прежних прав. Но теперь, в 1658 г., после достаточно длительного опыта, он увидел, хотя бы и по мелочному поводу 9-го июня, что ожидание исправления безнадежно, что Никон уже не освободит церкви. А потому он и прибег к методу приведения царя *ad absurdum*. Пусть теперь царю будет "просторнее," т. е. пусть царь выявит для всех свое преступление пред церковью. Разъясняя эту мысль в ответе на 26-й вопрос, Никон пишет:

"Егда изволил Бог Никону митрополиту быть на патриаршестве, и Никон митрополит усмотре во царе и великом князе, порок, который противен евангельским святым заповедям, или противно что святым апостольским и отеческим правилом, и ему Никону, по писанному во псалмех, не стыдящися говорити о заповедях Господних и св. апостол и св. отец правилех пред цари и пред бояры, а ему государю царю и государевым бояром слушати во всем. И он - государь и его бояре **все обещались** во святей велицей церкви пред Господом Богом и пресв. Богородицею и всеми святыми и всем освященным собором: - заповедей Христовых и св. апостол и св. отец правил **слушати** и ничто же инако коею-либо тщетною хитростию по преданию человеческому и стихиям мира сего мудрствовать. И от исперва убо был царь благ и кроток и послушлив был, и

Никон на патриаршестве был. А как царь и великий князь развратился со святою соборною апостольскою церковью и святые заповеди Божии и св. апостол и св. отец правила **в презрение положил и Никона-патриарха не почал слушать**, но и укоряти неподобно," тогда Никон оставил патриаршество, **"дая место гневу царскому."**

Значительно позднее, уже из ссылки в Феропонтове, в 1671 году, Никон в письме к царю сводит мотивы своих действий, как будто к одной субъективной стороне. Но это, конечно, неполно и неточно. В сложном психологическом переживании Никона громко звучала и субъективная струя. Но она не объясняет всего поведения и, взятая в отдельности, даже противоречит всему предыдущему. Никон писал: "я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе бил челом, что меня в такое великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет бил я челом отпустить меня в монастырь, на ты оставил меня еще на три года. По прошествии других трех лет опять тебе бил челом об отпуске в монастырь, и ты милостивого своего указа не учинил. Я, видя, что мне челобитьем от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь." Очевидно, видя неисполнение максимальной своей программы и свое бессилие изменить ход дела, Никон интимно, может быть, десятки раз помышлял решить вопрос в духе монашеского смирения: уходом тихим, без шума. Теперь он и вспоминал эти свои прежние думы, столь не соответствовавшие его бурному темпераменту. В горячую минуту конфликта Никон не продумал всех его последствий и неверно учитывал психологию своего "собинного друга." Неожиданная для него реакция царя на его демонстративный жест - оставление патриаршества - спутала все расчеты Никона. Никон терялся в формулировке смысла своей демонстрации и впадал в противоречие с самим собой.

Его речь в Успенском соборе 10-го июля 1658 г. не оставила ни у кого сомнений об **отречении** Никона от патриаршества, а не только об его уходе. И в ближайшие дни Никон продолжал твердить именно об "отречении." Когда к нему 12-го июля явился от царя в Воскресенский монастырь Трубецкой с просьбой от государя - дать благословение на замещение патриаршего места, Никон просто и ясно откликнулся положительно на этот самоочевидный акт. Царь просил, чтобы Никон "кому изволит Бог и Пресв. Богородица быти на ево место патриархом, подал бы благословение. И церковь и дом Пресв. Богородицы, покаместа патриарх будет, благословил бы ведать Крутицкому митрополиту." Ответ Никона был таков: "а кого Бог изволит и Пресв. Богородица и великий государь укажет быти на его место патриархом, и он, патриарх, благославляет, и великому государю бьет челом, чтоб церковь Божия не вдовствовала и беспастырна не была. А церковь и дом Пресв. Богородицы благословляет, покаместа патриарх будет (т. е. пока не будет поставлен новый патриарх), Крутицкому митрополиту." "А вряд де (т. е. теперь же, опять снова...) он в патриархах быть не хочет. А только де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема." Если бы последних заклинаний Никон не произносил, все равно мысль его об отречении и замене другим кандидатом была ясна, как день.

В письме к царю 1658 г. он подписывается: "Смиренный Никон **бывший** патриарх." И еще в 1660 г. другим царским посланцам Никон говорил: "А что де ему нарицатися патриархом, и он де того **имени** не отрицался. Только не хочет именоватись Московским, потому что престол Великия России оставил своею волею, и к великому государю с боярином со кн. А. Н. Трубецким и с окольничим Р. М. Стрешневым он - патриарх приказывал, и те слова и ныне держит непреткновенно. И то, что возвращению на прежий святительский престол и в мысли у него нет. Как де он тогда, оставляя престол, благословил его, великого государя, и весь освященный собор обирати патриарха, кого Бог благословит, так и ныне то благословение подтверждает же, и связанным всем, которым во отшествие подал разрешение, так и ныне всех прощает и благословляет."

Царь за это время не решался избрать нового патриарха. И это было его большой ошибкой. Он слишком наивно и по-русски был канонически совестливым. Напрасно преувеличивал свой местный канонический вопрос о поставлении нового патриарха до значения вопроса вселенского, что потребовало несчастного привлечения к этому делу восточных патриархов.

Течение времени великий фактор для человеческой психологии. И вот от затянувшейся неопределенности своего положения, полный сил и энергии Никон начинал тяготиться им. В бездействии родилась мысль о возврате к власти. Для иллюстрации этой эмоциональной непоследовательности и просто слабости нельзя не процитировать одного письма Никона к царю от 1659 г., где он до наивности откровенно изливает свою тоску о радостях прежней жизни в дружбе с царем: "Бе иногда во всяком богатстве и единотрапезен бе с тобою. Не стыжуся о сих похвалитися. Питан яко телец на закаление толстыми многими пищаами по обычаю вашему государеву, его же аз много насладив, вскоре не могу забыть. Еже ныне июля в 25-й день торжествовася рождение благоверных царевны и великия Княжны Анны Михайловны, вси возвеселишася о добром том рождестве насладившись. Един аз, яко пес, лишен богатыя вашей трапезы. Но и пси, по реченному, напиткиваются от крупиц, падающих от трапезы господей своих. Аще не бы яко враг вменен, не бы лишен малого уломка хлеба богатыя вашей трапезы." И дальше Никон поясняет, что не о пище он тоскует, а о милости царя и отложении царского гнева. Как видно из последующего, друзья, пользуясь такими минутами, сеяли мысль, что может быть, гнев царя и пройдет и Никону можно будет вернуться на престол. Диалектика Никона этими привходящими вожделениями вдруг осложняется. В марте 1660 г. на вопрос царя о выборе нового патриарха, переданный через стольника Матвея Пушкина, Никон отвечает: "На такое дело, что патриарха поставить без него (т. е. Никона), он не благословляет. Кому де его без него (Никона) патриарха ставить и митру на него положить? Потому что митру дали ему (Никону) патриархи вселенские, а митрополиту де митру на нового патриарха положить невозможно. Да и посох де с патриархова месте кому снять и новому патриарху дать? Потому, что де он - патриарх сам жив, и благодать Святого Духа с ним. Оставил де он престол, а архиерейства не оставил. Про то де ведомо великому государю, что он и патриаршеский сак и амофор взял с собою. Будет

великий государь изволить ему - патриарху быть в Москве, и по его де великого государя указу он - патриарх - новоизбранново патриарха поставит, и от великого государя, приняв милостивое прощение и со архиереи простяся и подав всем благословение, пойдет в монастырь."

Это уже та доза активности, которой ранее не чувствовалось. И активность преувеличенная. Уложенная грамота о русском патриаршестве предоставила право поставления патриарха просто собору русских епископов, без необходимости привлекать к этому персоны патриархов: - ни сторонних, ни своих, находящихся в отставке, на покое. Уже совсем искусственно измышлено мнимое препятствие с посохом. Со времени брака Иоанна III с Софией Палеолог сразу введена была чисто византийская церемония вручения митрополичьего посоха в Успенском соборе самим царем. Это его инвеститура, и она уже введена в церемониальный чин при поставлении в митрополиты после Зосимы - Симона (1495-1511 гг.).

Это как будто цепляние Никона за власть только повышало активность враждебного ему лагеря, который усиливался рыть поглубже пропасть между Никоном и царем. Никон все более раздражался и все более говорил лишнее, собирая этим угли на свою голову. Царю писал в конце июля 1659 г.: "ты велел взять мои худые вещи, оставшиеся в келии и письма в которых находятся многие тайны. Как первосвяtitель, я имел у себя многие твои - государевы тайны. Много и от других, которые, прося у меня разрешения своих грехов, писали их своими руками, чего никому не подобало ведать, даже и тебе, государю. Удивляюсь, как скоро дошел ты до такого дерзновения! Прежде боялся судить и простых церковных причетников, а ныне не только сам захотел ведать грехи и тайны бывшего архипастыря, но и попустил то другим мирским людям. Слышим, что это было для того, чтобы не оставить у нас писания твоей десницы, которые ты писал, жалуя нас либо почитая великим государем. Слышу ныне, что вопреки законов церковных ты и сам изволишь судить священные чины, которых судить не поверено тебе от Бога".. Все это - идеологические и назойливые стрелы в Уложение, в Монастырский Приказ и вообще во все новое анти теократическое отношение государства к церкви. Но вся скрытая, только подразумеваемая теократическая программа Никона, архаически связанная с отжившей государственно-экономической формой также устаревшего старомосковского быта, заранее обречена была на неуспех. Колесо истории повернулось в сторону секуляризации. Скрытая, половинчатая, широким кругам непонятная тактика Никона была бездейственна. Он атаковал не в лоб, а двигался тайными обходами. Одинокó думал и оказывался всегда в бессильном одиночестве. Все его заявления на фоне всеобщего признания нормальности нового курса взаимоотношений церкви и государства звучали как неразумный бунт и нестерпимое упрямство. Ускоряя развязку, царь, пользуясь присутствием на Москве случайных гостей из иерархов Востока, в феврале 1666 г. на очередном соборе, ставит вопрос о неопределенном положении Никона и как бы экспериментирует окончательный суд над ним. Боясь наступательных претензий и жестов Никона, этот суд очередного собора ставится формально корректно и в нем предоставляется даже адвокатская роль всеми уважаемому

ученому южнорусскому иноку Епифанию Славинецкому. Но резолюция собора, явно желанная царю и усмирительная для Никона, звучала так: "...Никону чужду быти патриаршего престола и чести, вкупе и священства, **и ничем не обладати.**" И сверх того еще: "избрать ему преемника."

Но внешнее положение осужденного ничуть не изменялось. Никон продолжал жить в своем Новом Иерусалиме, как некий магнат в своем уделе. А царь все мечтал о каком-то великом всевосточном соборе, который избавит его своим всемогущим судом от тяжелой тени Никона. Напряженное положение длилось. Раздраженный Никон давал поводы враждебной партии собирать против него самый разнообразный, отягчающий судебный материал. В его новоиерусалимских владениях происходили банальные столкновения с соседями землевладельцами Бабарыкиным и Сытиным. Те жаловались царю на незаконные погромы их территорий со стороны Никоновых крестьян. Светские судьи решали дело не в пользу Никона. Никон негодовал, апеллировал к царю, опираясь на свою теократическую доктрину. "Откуда ты, - пишет он царю, - принял такое дерзновение сыскивать о нас и судить нас? Какие тебе законы Божии велят обладать нами, рабами Божиими? Не довольно ли тебе судить в правду людей царствия мира сего, о чем ты мало заботишься. В наказе написано твое повеление: взять крестьян Воскресенского монастыря. По каким это уставам?... не найдешь здесь ничего, кроме беззакония и насилия. Послушай, что было древле за такую дерзость над фараоном в Египте, над соломлянами, над царями Ахавом, Навуходносором и другими. Страшно молвить, но терпеть невозможно. Мы слышим, что по твоему "указу" и владык посвящают и архимандритов и игуменов и попов поставляют и в ставленных грамотах пишут тебя равночестным Св. Духу так: по благодати Св. Духа по указу великого государя. К тому же повсюду по свв. митрополиям и епископиям и монастырям берешь насилуем нещадно вещи движимые. Все законы св. отцов и благочестивых царей и князей, греческих и русских ты обратил в ничто. Судят и насилуют мирские суд и архиереев и все духовенство."

Продолжая протестовать против государственного закона, Никон начинает вмешиваться и в текущие дела церковные. Совершая чин православия в своем монастыре в 1662 г., Никон провозглашает анафему патриаршему местоблюстителю Питириму за ряд его действий, за шествие на ослати в неделю Ваий, за хиротонию Мефодия епископа Мстиславльского, за досадительное и поносительное к нему - Никону слово. Пусть митр. Питирим даже и превысил свои полномочия. Но Никон, отрекшийся от церковного правления, не имел ни нужды, ни права в столь крайней форме реагировать на действия Питирима. Ему не закрыта была дорога критиковать Питирима и апеллировать только пред трибуналом грядущего собора. Возмущенный Питирим спросил на этот счет мнение русских епископов и получил их полную поддержку против патр. Никона.

Между тем, Никон начинает до маниакальной напряженности сосредоточиваться на мечте самочинного возврата на покинутый им патриарший трон. Личный приверженец и друг Никона, боярин Никита Зюзин

обольщал скучающего Никона эффектной мечтой разрубить все затянувшиеся узлы "явочным порядком," некоторым ошеломляющим *coup de l'йglise*. Никон хотел думать, а Зюзин настойчиво его в том поддерживал, что дружба в сердце царя к любимцу патриарху не угасла, а после смелого эффектного жеста царь освободится от давления коалиции врагов Никона и вновь вернет ему свою милость. Никон соблазнился этим мечтанием, и Н. Зюзин стал разрабатывать план этого *veni, vidi, vici*. Никон, увлекшийся этим до экзальтации, действительно, забрав малое облачение, в ночь на 16-е декабря 1664 г. прибыл в Кремль во время утрени к южным дверям Кремлевского Успенского собора. Все было Зюзиным подстроено технически через нескольких лиц мелкой служилой церковной братии, но к совершенной неожиданности ответственных верхов. Трогательная история этого Никонова налета подробно и живописно по архивным материалам описана проф. прот. П. Ф. Николаевским (Христ. Чтение, 1889 г.). Произошло общее смущение. Местоблюститель мит. Ростовский Иона подошел к Никону под благословение, и тот послал его экстренно передать его личное письмо царю. По протокольной записи Никон объяснял Ионе свою просьбу так: "сошел он с престола никем гоним, а ныне пришел на свой престол никем зовом. Для того, чтобы де великий государь кровь утолил и мир учинил. А от суда де вселенских патриархов он не бегаёт, а пришел де он на свой престол по явлению. И давал мне к великому государю письмо." Пораженный царь срочно приказал явиться к нему бывшим в Москве архиереям и ближним боярам. Экстренное совещание быстро приходит к решению целиком отрицательному. Специальная делегация извещает об этом Никона, стоявшего в соборе на патриаршем месте. Но Никон заявляет, что пока он не получит ответа от царя на свое письмо, "до тех мест из соборная церква не пойдет." Никон все еще думал, что экстраординарное содержание его письма не может быть покрыто молчанием и простым изгнанием его из собора. В письме Никон рассказывает, что он "слыша смятение и молву велику о патриаршеском столе, - овии тако, инии инако глаголюще развращенная и несть ничтоже истинно, но кийждо, что хошет то и глаголет," горячо молился Господу, чтобы открыл ему "чему подобает быти." Целых пять дней он изнурял себя беспощадным постом, не ел, не пил, "ни сну причащаяся, лежа на ребрах, разве утомився седев с час в сутки." Непрестанно молился "вопиюще и плачуше, дондеже известит ми Господь Бог, что суть подобает сотворити и что суть годно Его святой воле." И вот на пятый день пришло видение. "Видех се: обретохся во святей соборней церкви. И видел свет велик зело, обаче от живущих никого ту видех, но прежде бывшими леты усопших святителей и священников, стоящих по сторонам, идеже гробы прежде усопших? св. отец - митрополитов и патриархов. Един же некто святолепен муж, сединою честною доволен, или вельми красен, браду имея густу вельми, мало продолговату. Во священных святительских одеждах вся стояху. Той же, вышепомянутый святолепный муж, обходя по иным святым отцем, хартию и киноварницу с киноварем обносит по всем святителем, они же все подписуют. Аз же со страхом приступив к носящему хартию и киноварницу, вопросив его, что сие творите, подписующе руки на хартии? Он же рече ми: о твоём пришествии на престол святой. Аз же рече: покажи ми, аще есть истина? Он показа ми. И смотрях и бысть тако. Аз же паки рекох ему: ты подпишеш ли

ся? Он рече: подписахомся уже. И показа ми о себе написанное. Аз смотрив со вниманием, и обретшеся истина, написано полтретьи строки сице: "смирный Иона, Божиею милостию митрополит. Тако страхом Божиим подписую, подобно есть." Аз же, приим дерзновение, идох к месту. И хотящу ми взыти, обретох святителя стояща на месте, в честных одеяна архиерейских одеждах и ужасохся. Он же рече ми, не ужасайся брате, яко тако воля Божия есть. Взыди на стол свой и паси словесные Христовы овцы, яже ти Господь поручи. И абие невидим бысть. Аз же утвердився, взыдох. Мню же святителя стояща - Петра Чудотворца. Ей, ей, тако ми Господь свидетель на се. Аминь." Практический вывод: "Пришли мы в кротости и смирении и несем с собою мир. Желаеши принять самого Христа? Мы твоему благородию покажем, как это сделать по слову Господа: приемляй вас, Мене приемлет. Приими нас во имя Господне и отверзи нам двери дома твоего."

Письмо царем было прочитано, и ему дано было собравшимся простое объяснение, что это ангел сатаны послан был к Никону, приняв образ ангела светла. Никону предъявлен ультиматум: "Из соборной церкви поезжай в Воскресенский монастырь по-прежнему, да поспеши до восхода солнца, чтобы не случилось потом чего неприятного."

Мечта Никона разлетелась в прах. Он сдался. Возвращался к себе уже под арестом. По дороге у него отобрали знаменитый посох митрополита Петра, стоявший всегда у царских врат Успенского собора. И допросили об обстоятельствах его неожиданного приезда. Никон признался, что "приехал де он к Москве по вести а не сам собою." Стало быть - видение видением, а сговор сговором. Никон открыл посредническую роль Никиты Зюзина, получившего ссылку в Казань за авантюру. Митр. Иона смещен с местоблюстительства за уступчивость Никону. Местоблюстителем назначен Павел Крутицкий. Но Никон не сваливал все на других. Он повторял свое убеждение в праве своего возврата: "он к Москве приехал и в соборную церковь вошел на свой святительский по ставленной престол," ибо "он оставил патриарший престол на время за многое внешнее нападение и досадительства." В 1666 г. Никон пишет КПльскому патриарху Дионисию, что он имел в виду "паки придти" на свой стол. И на соборе 1666 г. также говорил "я не отрекался от престола, то де на меня затеяли." И не раз тоже твердил и впредь.

Но фактически после неудачного приезда 18.XII.1664 г. Никон усмирился и признал, что ему при создавшихся обстоятельствах надлежит отчетливо отречься от престола, чтобы не потерять всего, а некоторые привилегии сохранить. И вот он в январе 1665 г. пишет царю о своем отречении, о готовности поставить нового патриарха, но просит: а) оставить за ним три его монастыря в полное владение и свободное в них проживание, со всеми земельными и владельческими привилегиями, без вмешательства Монастырского Приказа; б) в его монастырях предоставить ему поставлять во все чины духовенство; в) при приездах в Москву при новом патриархе, ему - Никону сидеть выше всех митрополитов; г) писаться ему "патриархом" просто, не московским.

Явно, что Никон питал надежду, что таким предварительным соглашением он избегнет суда над ним восточных патриархов и сделает ненужным их приезд. Но было уже поздно. Царь давно и усиленно просил патриархов приехать. Однако царь отдал эти условия Никона на рассмотрение русских архиереев. На своем соборе 1666 г. русские епископы в основном согласились с условиями Никона, но с существенными ограничениями. А) Три крестных или ставропигиальных монастыря оставались за Никоном, но 16 других, приписанных к ним, возвращались в распоряжение их местных епархиальных владык. Б) В деле управления и поставления клириков Никон, как отрекшийся, не должен нарушать каноников и делать все с благословения нового патриарха. Характерен трезвый и мягкий тон соборного ответа на неумеренные запросы Никона. "Святейшему Никону, патриарху бывшему Московскому, святейшего патриарха настоящего Московского и всея Руси с о с л у ж и т е л е м н е именовати, но имати его и именовати его архипастыря и начальника и старейшину, и подчинятися ему во всем, и без воли его и без благословения в царствующем граде, или где инде, не точию что чрез Божественные законы, но еще что по Божественным законам без совета и веления ничтоже творити, но вся ему деяти по указу великаго государя и по благословию святейшаго патриарха Московскаго и всея Русии, яко же и прочии архиереи вся делают по благословию его." Разрешает собор Никону и приезды в Москву, но всякий раз лишь с согласия царя и патриарха.

На запрос Никона об автономии в делах и в судах над духовенством в пределах его монастырей собор защищает всеобщее архипастырское право ведать духовными делами без всяких исключений.

Исходя из этой снисходительной к Никону, компромиссной позиции, собор с полным основанием начисто отвергает претензию - можно прямо сказать "выходку" - Никона. Никон с своей стороны заранее заявляет, что он будет не признавать того патриарха, как "прелюбодея и хищника," который будет избран "по власти мира сего," т. е. по воле царя и бояр при несогласии его - Никона. Это - захват монопольного вето единолично в свои руки. Собору легко было отклонить этот абсурд. Никону напоминают азбуку действующего канонического порядка, т. е. что царь при выборах действует не единолично, а в согласии со священным собором, а собор сам требует помощи у царя. Это - "не кроме божественных каноников, но яко же священна правила повелевают и обычай Российского государства есть рукополагать своим архиереем патриарха, согласиём и благословиением св. вселенского патриарха КПльскаго." Это значит, что никакого анти канонического захвата мирской власти тут нет. А поскольку Никон твердит о "любовном союзе," то собор основательно и ядовито отвечает заносчивому патриарху: "Любовный же союз сице имать быти: аще святейший Никон патриарх будет святейшему престольному патриарху московскому во всем покорен, и имя его будет везде сам и в сущих под ним монастырях и церквах всех впервых поминать, и имети его будет архипастыря и старейшину, и не будет каковых мятежей и молв и смущений каковым-либо образом творити. Святейший настоящий патриарх будет его - патриарха Никона любити и жаловати и почитати, яко прежде бывшего брата своего." Если это условие не

будет выполнено, то "и святейший патриарх настоящий святейшего Никона патриарха должен судить по священным правилам, да не будут два патриарха равные себе; и темже наречется не прелюбодей и хищник, но пастырь, пасый жезлом силы: - данною ему властью непокоряющихся ему и отвращающихся от него, последующих же ему пасый Духом кротости."

Как ни горько было Никону читать эти уроки законности от лица собора русских архиереев, но все же насколько суд их был беспристрастнее, объективнее, законнее и милостивее суда чужих людей, уже ехавших в Москву!..